Природа и Люди

Иллюстрированный популярно-научный журналъ для семейнаго чтенія.

№ 13 | Выходитъ еженедѣльно по четвергамъ. | 26 ЯНВАРЯ 1895 г. | Цѣна за годъ 5 руб. съ пер. ½ г.—2 р. 50 к. ¼ г.—1 р. 25 к. | № 13

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12.—Телефонъ редакціи № 1264.

СОДЕРЖАНІЕ: Оса-анатомъ. Очеркъ *А. Н—ва.* (Съ 2 рис.).—По роднымъ краямъ. Путевые очерки *Вл. А. Тихонова.* (Съ 4 рис.).—Марокко. Очеркъ *И. С.* (Съ 3 рис.). (*Окончаніе*).—Вѣрить или не вѣрить? Очеркъ *В. Битнера.* (*Окончаніе*).—Наши изобрѣтатели. *Гр-ф-та.*—Изъ Англіи въ Сибирь по Ледовитому океану. (Исторія экспедиціи кап. Виггинса). — Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Полезные совѣты и рецепты.—Объявленія.

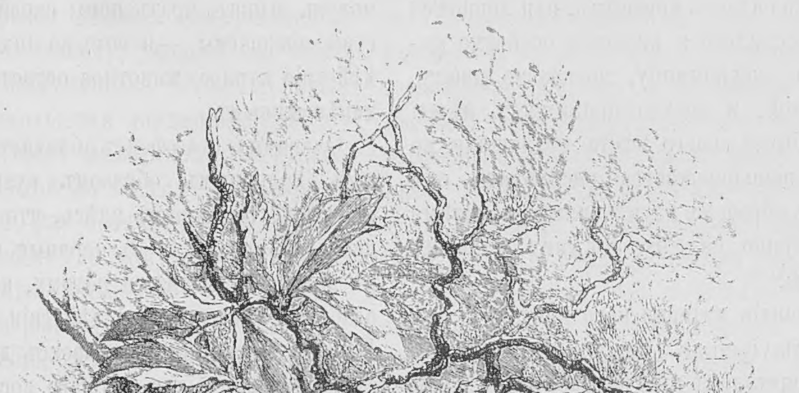
Продолжается подписка на 1895 годъ (подписной годъ съ 1 Ноября 1894 г.)

ОСА-АНАТОМЪ.

Очеркъ А. Н—ва.

Муравьи, осы, пчелы, — все это большею частью насѣкомыя, у *которыхъ* сильно развиты нѣжныя чувства къ своему потомству. Они не только устраиваютъ для яичекъ и личинокъ удобныя помѣщенія, но и откладываютъ для нихъ большіе запасы пищи, пользуясь которой молодое насѣкомое безпечно проводитъ время своего превращенія. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ нѣкоторыя породы отдѣла одиночныхъ осъ *).

Нечего и говорить, насколько выгодно для молодаго поколѣнія имѣть въ первое время своего существованія запасы свѣжей пищи. Но для насѣкомыхъ, которыя вскармливаютъ свое потомство другими живыми существами, это — задача далеко нелегкая въ виду того, что у нихъ превращеніе затягивается иногда на довольно продолжительный срокъ.



ГНѢЗДО ОБЩЕСТВЕННОЙ ОСЫ.

Не будемъ говорить здѣсь о породахъ этихъ насѣкомыхъ, которыя вскармливаютъ потомство подобно птицамъ изо дня въ день, питая ихъ изъ собственнаго рта. Остановимся только на тѣхъ осахъ, которыя выработали особые пріемы, остроумно сокращающіе хлопоты по данному дѣлу. Начнемъ съ описанія простѣйшихъ пріемовъ этихъ догадливыхъ насѣкомыхъ.

Въ мірѣ осъ первымъ шагомъ къ облегченію себя отъ лишнихъ хлопотъ въ трудномъ дѣлѣ вскармливанія молодаго поколѣнія можно считать пріемы породы Bembex—песочной осы, названной такъ потому, что гнѣзда ея встрѣчаются только въ песчаныхъ мѣстностяхъ. Эта оса предоставляетъ молодому поколѣнію самому кормиться запасами, которые она доставляетъ

*) Осы, подобно пчеламъ, ведутъ или одиночную жизнь, или общественную; у первыхъ различаются только самцы и самки, у послѣднихъ—самцы, самки и рабочія.

въ видѣ разныхъ мушекъ. Окончивъ постройку гнѣзда, оса отправляется на охоту, нападаетъ на первую попавшуюся мушку и легко овладѣваетъ ею, убивая насѣкомое нѣсколькими ударами жала, наносимыми жертвѣ, куда попало. Но тутъ остается осѣ еще много работы: тѣло убитаго насѣкомаго въ лѣтнія жары начинаетъ очень быстро портиться, и личинка часто не успѣваетъ съѣсть и небольшой части сдѣланныхъ запасовъ, какъ ихъ приходится замѣнять новыми. Нѣжная мамаша имѣетъ это въ виду и потому часто принуждена возвращаться къ гнѣзду со свѣжею добычей. Если мы прибавимъ къ этому, что ей всякій разъ приходится уничтожать всѣ слѣды своего помѣщенія, — она держитъ свое гнѣздо въ большомъ секретѣ изъ опасенія многочисленныхъ въ мірѣ животныхъ охотниковъ до личинокъ, — то мы увидимъ, что большую часть времени превращенія молодыхъ насѣкомыхъ она проводитъ въ непрерывныхъ хлопотахъ.

Очевидно, что значительнымъ облегченіемъ въ данномъ дѣлѣ явилось-бы у нашихъ осъ умѣніе такъ или иначе предохранять свою добычу отъ разложенія. Въ этомъ отношеніи порода Pompilus представляетъ очень любопытный примѣръ. Это насѣкомое питаетъ своихъ личинокъ пауками. Поймавъ свою жертву, Pompilus вонзаетъ острыя челюсти въ мѣсто соединенія брюшка съ головогрудью. Это настолько опасный ударъ для паука, что онъ или падаетъ мертвымъ, или лишается на долгое время чувствъ. Послѣднее и является особенно выгоднымъ для Pompilus: онъ, повидимому, прекрасно знаетъ, что жертва его остается живой, и только принимаетъ мѣры, чтобы, оживши, она не покинула своего мѣста назначенія, во избѣжаніе чего, пользуясь неподвижностью насѣкомаго, онъ отрываетъ ему ноги. Такимъ образомъ изувѣченныя, но живыя насѣкомыя служатъ обыкновенно надолго свѣжимъ запасомъ пищи для личинокъ хищника.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи материнскаго инстинкта осъ показываетъ порода Sphex flavipennis. Наблюденія надъ нею производились извѣстнымъ знатокомъ міра насѣкомыхъ — Фабромъ и неоднократно были провѣрены многими учеными.

Въ сентябрѣ оса эта обыкновенно начинаетъ класть яйца, для которыхъ выстраиваетъ 12 норокъ или гнѣздъ и снабжаетъ ихъ провизіей.

Вырывъ первую норку, она прекращаетъ свои подземныя работы и наполняетъ ее запасами для будущаго яичка (обыкновенно парализованными кузнечиками, штуки по четыре на каждую пещерку). Когда провизіи заготовлено достаточно, она кладетъ свое яичко въ глубь пещеры, закладываетъ послѣднюю глухой стѣной и переходитъ къ постройкѣ второй пещерки, потомъ къ третьей и т. д. Наконецъ, заботливая мать тщательно закладываетъ наружное отверстіе, чрезъ которое вылѣзла изъ гнѣзда, и такимъ образомъ уничтожаетъ всякіе слѣды своей работы. Молодое поколѣніе въ полнѣйшей безопасности проводитъ первые дни своего существованія. Разъ первое гнѣздо окончено, неутомимая оса переходитъ къ постройкѣ слѣдующаго и т. д.

Когда изъ оставленныхъ осою-матерью яичекъ разовьются личинки, то онѣ, окрѣпнувъ немного, первымъ дѣломъ принимаются за отдѣлку своего помѣщенія: у матери было слишкомъ много хлопотъ, чтобы тратить время на комфортъ своего потомства. Между тѣмъ потолокъ, стѣны и полъ пещеры бываютъ обыкновенно вырыты небрежно, и нѣжное тѣло молодого насѣкомаго сильно страдало-бы отъ этихъ неровностей; но вотъ личинка, защищая себя отъ такой бѣды, затягиваетъ все вокругъ сплошною тканью изъ паутины, которую вырабатываетъ ея организмъ. Во все время, до превращенія въ куколку, личинка питается заложенными въ гнѣздо ея матерью, парализованными, но все-таки живыми кузнечиками.

Какъ же, спрашивается, оса можетъ, при помощи своего яда, только парализовать движенія кузнечиковъ, не убивая ихъ окончательно? Есть-ли у людей что-нибудь аналогичное данному факту?

Да, — отвѣтимъ мы, — есть, именно дѣйствіе многихъ нервныхъ ядовъ. Особенно поучительно для даннаго случая напомнить о кураре.

Этотъ ядъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ на мозговые центры, завѣдующіе движеніями животнаго. Вслѣдствіе этого послѣднее, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ быть только парализованнымъ, но все-таки живымъ. Впрочемъ, на человѣкѣ и на четвероногихъ это не такъ легко подмѣтить, вслѣдствіе быстраго наступленія смерти при дѣйствіи кураре: животное быстро задыхается тогда, такъ какъ перестаетъ дѣйствовать діафрагма, — эта мускульная перегородка между полостью груди и живота, движеніями которой и обусловливается главнымъ образомъ процессъ дыханія у высшихъ животныхъ. Но жизнь лягушекъ (а еще болѣе кузнечиковъ), которые могутъ дышать чрезъ поры своей кожи, не зависитъ отъ дѣйствія діафрагмы, — и вотъ на нихъ-то особенно отчетливо видно дѣйствіе кураре: животное остается неподвижнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ.

Очевидно, оса-сфексъ обладаетъ именно способностью отравлять подобнымъ образомъ кузнечиковъ, парализуя только движенія. Прибавимъ здѣсь, что ядъ ея, попадая сначала въ кровь и оттуда уже въ нервные центры, сильно разбавляется въ кровяной плазмѣ и потому, конечно, долженъ дѣйствовать слабѣе, чѣмъ въ случаѣ дѣйствія его на самыя нервныя клѣтки. Поэтому, очевидно, оса-сфексъ должна еще выбрать соотвѣтствующее мѣсто для лучшаго достиженія своей цѣли — парализованія кузнечика.

Гдѣ она выбираетъ такое мѣсто, это до мельчайшихъ подробностей было выяснено Фабромъ.

Помѣстившись у отверстія гнѣзда, въ которомъ оса-сфексъ производила свои работы, этотъ наблюдатель часто видѣлъ, какъ она возвращается съ парализованнымъ кузнечикомъ, какъ, достигнувъ своего гнѣзда, она оставляетъ на нѣкоторое время свою добычу на землѣ и скрывается въ подземной галлереѣ, вѣроятно, съ цѣлью осмотрѣть, не произошло-ли за ея отсутствіе въ гнѣздѣ какихъ-нибудь безпорядковъ. Разъ все тамъ обстоитъ благополучно, оса вскорѣ появляется наружу, захватываетъ кузнечика и вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ подъ землею. Здѣсь она помѣщаетъ его въ только что выкопанную пещерку головой внизъ, лапками къ выходу и кверху. Покончивъ съ однимъ кузнечикомъ, она снова отправляется на охоту.

Опыты свои Фабръ началъ съ того, что въ тотъ моментъ, какъ оса исчезала подъ землею для предварительнаго осмотра гнѣзда, онъ отодвигалъ немного въ сторону притащеннаго ею кузнечика. Оса возвращалась, пускалась на поиски и, найдя пропавшую было добычу, принималась долго осматривать ее, чтобы убѣдиться, тотъ-ли это кузнечикъ, котораго она приготовила: быть можетъ, это просто трупъ, который скоро загніетъ, или живое насѣкомое, съ которымъ придется еще вести борьбу.

Закончивъ осмотръ, оса лазала въ гнѣздо и, только убѣ-

дившись, что тамъ все въ порядкѣ, вылѣзала снова и утаскивала добычу въ гнѣздо.

Нѣсколько разъ, когда парализованный кузнечикъ оставался одинъ у входа въ свою будущую могилу, Фабръ подмѣнялъ его живымъ экземпляромъ, выпуская его въ тотъ моментъ, какъ оса показывалась изъ своего подземнаго хода. Замѣтивъ, что кузнечикъ прыгалъ въ сторону, нашъ хищникъ не теряя минуты, бросался въ догонку, и между двумя насѣкомыми завязывался отчаянный бой одинъ на одинъ. Легкая и ловкая оса начинала съ страшной быстротой кружиться вокругъ своего врага, а тотъ въ это время лягался задними ногами. Если-бы ударъ попалъ по сфексу, то ему не сдобровать-бы. Но это бывало рѣдко. Большею частью оса сбивала кузнечика съ ногъ, опрокидывала его на спину и тотчасъ захватывала челюстями тонкія нити, ограничивающія брюшко кузнечика; потомъ она упиралась передними лапками въ его животъ, а двумя задними захватывала его голову, которую оттягивала, насколько могла, назадъ. Въ такомъ положеніи кузнечикъ оставался неподвиженъ, — и жало побѣдителя, могло, не торопясь, скользить по панцырю жертвы, отыскивая мягкое мѣсто, чтобы нанести рѣшительный ударъ. Такимъ удобнымъ мѣстомъ оказывается промежутокъ между шеей и головой, гдѣ внутренности прикрыты только тонкой кожицей. Когда жало попало на это мѣсто, брюшко сфекса дѣлаетъ конвульсивныя движенія, — и жало, прокалывая кожицу, уходитъ въ глубь тѣла. Здѣсь у кузнечика очень поверхностно лежатъ нервные узлы, отчасти завѣдующіе произвольными движеніями насѣкомаго. Когда въ тѣло жертвы впущено жало, изъ послѣдняго выходитъ нѣсколько капель ядовитой жидкости, отравляющей нервные узлы кузнечика. Второй, уже окончательный, ударъ сфексъ наноситъ во второмъ мягкомъ промежуткѣ: это мѣсто соединенія головы съ грудью. Здѣсь находится вторая и послѣдняя группа двигательныхъ нервныхъ узловъ. Послѣ того, какъ отравлены оба узла, насѣкомое остается неподвижнымъ, хотя и живымъ.

Естественнымъ образомъ, кажется намъ, возникаетъ вопросъ у читателя, какимъ образомъ у нашей осы могутъ сложиться такія детальныя знанія по анатоміи кузнечика? Въ отвѣтъ на это напомнимъ теперь всѣмъ извѣстный фактъ дѣйствія дрожжей. Его знаетъ давно любая кухарка. Однако, слѣдуетъ-ли изъ этого, что она знаетъ, какъ дѣйствуютъ дрожжи? Ничуть. Дѣйствіе дрожжей было объяснено учеными только въ очень недавнее время. Но непониманіе процесса броженія, вѣдь, нисколько не мѣшало самой обыкновенной кухаркѣ дѣлать прекрасные пироги и булки такъ, какъ, вѣроятно, не удастся сдѣлать ни одному ученому въ мірѣ.

Подобно тому, какъ люди случайно, очевидно, наткнулись на дѣйствіе дрожжей, такъ и прародители породы сфекса случайно наткнулись на выгоды указаннаго нами пріема въ борьбѣ съ кузнечиками, а потомъ указанное приспособленіе, передаваясь каждому новому поколѣнію, все болѣе совершенствовалось вслѣдствіе очевидной пользы его и, наконецъ, выработалось въ наблюдаемое у осы—Sphex дѣйствіе. Такое предположеніе въ наукѣ отнюдь не является произвольнымъ. Вѣдь мы видѣли, какъ Bembex наноситъ своей жертвѣ удары, *куда попало*, и какъ Pompilus, не умѣя примѣнять ядъ своего жала, или не имѣя подобнаго выдѣленія, *выбираетъ тѣмъ не менѣе уже опредѣленное мѣсто для удара* и такимъ образомъ проявляетъ опредѣленныя анатомическія познанія. Шагъ дальше въ развитіи этого пониманія мы и видимъ у сфекса.

Когда Фабръ отодвигалъ кузнечика отъ входа, возвратившаяся изъ ревизіи оса помѣщала его на старое мѣсто и снова скрывалась у себя въ подземельѣ. Намъ трудно объяснить съ перваго раза такое неразсчетливое поведеніе насѣкомаго. Но теперь мы можемъ доказать, что эта привычка вырабатывалась очень постепенно и является совершенно разумной. Въ первое время оса, конечно, не умѣла наносить вѣрныхъ ударовъ. Яду на нервные узлы приходилось немного, и кузнечикъ, вѣроятно, быстро оправлялся отъ дѣйствія яда, но оставался неподвиженъ или изъ боязни своего могучаго врага, или изъ желанія обмануть его и удрать при первомъ удобномъ случаѣ (пріемъ очень распространенный въ животномъ царствѣ). Оса, возвратившись изъ гнѣзда, или не находила своей жертвы совсѣмъ, или видѣла ее поспѣшно удаляющейся отъ мѣста назначенія. Въ послѣднемъ случаѣ начиналась новая борьба, но чтобы убѣдиться въ окончательномъ успѣхѣ, она на хитрость кузнечика должна была отвѣчать хитростью со своей стороны. Она снова пряталась на время и только теперь, найдя свою жертву на мѣстѣ, рѣшалась завладѣть ею окончательно. Поставьте себя на минутку на мѣсто осы, и вы увидите, что поступили-бы подобнымъ же образомъ. Вы не находите жертвы на мѣстѣ: ее могло сдвинуть, конечно, вѣтромъ или вообще какою-нибудь постороннею силой, но вѣдь она могла и сама передвинуться, и въ такомъ случаѣ ядъ невполнѣ подѣйствовалъ и потому рискованно было-бы помѣщать такое насѣкомое къ яичку: оно могло ожить и слишкомъ повредить молодой личинкѣ. Остается или провѣрить свои догадки, или снова повторить съ кузнечикомъ прежнюю операцію. Первое легче, и оса резонно выбираетъ это.

Надо полагать, что сообразительность Sphex flavipennis еще больше выиграетъ въ глазахъ читателя, если мы выскажемъ смѣлую на первый взглядъ догадку, что выборъ мѣста для удара опредѣляется не однимъ положеніемъ побѣдителя къ побѣжденному, а именно цѣлью найти наиболѣе уязвимое мѣсто, нервные узлы. Это видно у породы осъ, близкой къ Sphex, именно у песочницы (Ammophila). Эта порода осъ вскармливаетъ свое потомство личинками жуковъ-слониковъ, которыхъ она также парализуетъ ударами жала въ мѣста нервныхъ узловъ. Здѣсь не можетъ быть и сомнѣнія, что не необходимость заставляетъ насѣкомое направлять удары въ извѣстный пунктъ, а именно строго опредѣленная цѣль, такъ какъ тѣло личинокъ жуковъ вездѣ одинаково мягко.

ПО РОДНЫМЪ КРАЯМЪ.

Путевые очерки Вл. А. Тихонова.

III. Таиръ.

КОЛЬКО времени я спалъ, опредѣлить не могу. Разбудило меня какое-то непривычное встряхиванье. Я открылъ глаза: лошади бѣжали бойкой рысью; песокъ исчезъ, и колеса прыгали по крѣпкой, изрытой глубокими колеями дорогѣ. Между соснами и елями замелькали лиственныя деревья, ярко выдѣляясь своей веселой зеленью.

— Вотъ и Таиръ сейчасъ, — сообщилъ мнѣ ямщикъ.

Я поправилъ спутавшіеся волосы, надѣлъ свалившуюся во время сна фуражку и усѣлся въ моей плетенкѣ.

Въ воздухѣ повѣяло свѣжестью. Лошади все прибавляли ходу. Ямщикъ весело покрикивалъ на нихъ и помахивалъ кнутикомъ. Плетенка съ грохотомъ прокатилась черезъ маленькій мостикъ и, сдѣлавъ небольшой поворотъ, сразу выѣхала на открытое мѣсто.

Громадное озеро разстилалось передъ моими глазами.

— Это и есть Таиръ, — сказалъ ямщикъ.

Я ждалъ тутъ какой-нибудь деревни или поселка, но ничего, кромѣ небольшой избушки, не было замѣтно.

— Да тутъ живутъ? — спросилъ я ямщика.

— Живетъ лѣсникъ съ дочкой, а больше никого нѣтъ.

Плетенка въ это время подкатила къ маленькому, полуразвалившемуся крылечку. Двѣ огромныя собаки встали и очень внимательно посмотрѣли на насъ; ни одна изъ нихъ не лаяла, только глухое рычанье, вырывавшееся изъ ихъ груди, давало знать, что онѣ всегда готовы встрѣтить врага.

— Ермола-а-а-й! — заоралъ во все горло ямщикъ, слѣзая съ козелъ.

Собаки зарычали сильнѣе.

— Ермолай-ай! — еще разъ повторилъ ямщикъ.

— Ау! — донесся откуда-то тоненькій женскій голосъ.

— Самого-то, вѣрно, нѣтъ, — сообразилъ мой возница и принялся осторожно раскуривать трубочку.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Видъ двухъ громадныхъ псовъ, зловѣще осматривавшихъ насъ, приводилъ меня въ смущеніе. Болѣе всего изумляло и пугало меня то, что они не лаяли, — такія собаки особенно опасны. Наконецъ, я рѣшился и осторожно вылѣзъ изъ плетенки. Ноги мои совсѣмъ затекли и, когда я всталъ на землю, мнѣ показалось, что тысячи иголокъ впились мнѣ въ пятки.

— А ты разуйся, — посовѣтовалъ ямщикъ, видя, съ какими гримасами я переминаюсь съ ноги на ногу.

Я сѣлъ на крылечко и сталъ снимать сапоги. Собаки внимательно посматривали на меня, продолжая рычать.

— Ау! — крикнулъ опять ямщикъ.

— Ау! — откликнулись ему уже совсѣмъ близко, и черезъ минуту черноволосая, стройная дѣвушка, лѣтъ семнадцати, вышла къ намъ изъ-за деревьевъ, обрамлявшихъ самый берегъ озера. Продолговатое и сильно загорѣлое личико ея освѣщалось большими черными глазами. Несмотря на самый примитивный костюмъ, — суровая рубашка да юбка изъ поскони, — она поражала своей граціозной фигуркой. Маленькія ручки, маленькія, очень красивой формы ножки, босыя и почти черныя отъ загара, были такъ изящны, такъ строго правильны, что имъ позавидовала-бы любая великосвѣтская красавица.

— Здравствуй, Настя! — поздоровался съ ней ямщикъ. — Она только кивнула головкой. — А гдѣ отецъ-то твой?

— На озерѣ, сейчасъ придетъ, — отвѣтила она нѣсколько глухимъ, но пріятнымъ голосомъ, прямо всматриваясь въ меня своими большими, внимательными глазами.

Сидя на крылечкѣ безъ сапогъ, я почувствовалъ себя нѣсколько сконфуженнымъ передъ этой красавицей и не зналъ что дѣлать.

— Откудова? — спросила она ямщика.

— Изъ Кокшайскаго, — отвѣтилъ онъ, указывая на меня. — Въ Царевъ ѣдетъ. Лошадей-то можно достать у васъ?

— А гдѣ-жъ ты ихъ тутъ достанешь? Всѣ на работѣ теперь. Ближе Студеной нѣтъ лошадей, — спокойно отвѣтила она и ушла въ избу.

— Вотъ тебѣ на! — подумалъ я. — Что же мнѣ дѣлать? — и обратился съ этимъ вопросомъ къ ямщику. Тотъ ничего не отвѣтилъ; онъ уже успѣлъ отвести плетенку подъ тѣнь и принялся выпрягать своихъ усталыхъ лошадокъ.

— Послушай, голубчикъ, какъ-же я дальше-то поѣду? — уже ласковѣе заговорилъ я.

Тотъ почесалъ затылокъ и, подумавъ немного, лѣниво проговорилъ:

— Можетъ, и набѣжитъ кто.

Утѣшенія въ его словахъ было немного: приходилось разсчитывать на авось.

— Да вотъ и Ермолай идетъ, у него спросимъ, — добавилъ ямщикъ, видя мое огорченіе.

Невысокій кривоногій мужиченка, одѣтый въ пестрядинную рубаху и порты, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу, подходилъ къ намъ. Не доходя шага за два до меня, онъ свялъ съ лохматой головы засаленный картузишко и, стараясь подделаться подъ солдатскій тонъ, проговорилъ:

— Здравія желаю, ваше б-діе!

Вглянувъ на его лицо, я былъ пораженъ необычайнымъ его сходствомъ съ мордочкой какого-то хищнаго звѣрька, но какого именно, опредѣлить не могъ. Рыженькая клочковатая бороденка росла не по щекамъ и подбородку, а ниже, вдоль шеѣ, усовъ почти что не было, вмѣсто бровей — два пучка

женькихъ волосъ, а изъ-подъ нихъ выглядывали маленькіе, сѣрые глазки, очень хитро и хищно посматривавшіе на всѣхъ.

— Да неужто же онъ отецъ этой красавицы дѣвушки?— подумалъ я, всматриваясь въ этого звѣреныша. Но сомнѣній тутъ никакихъ быть не могло, потому что какъ разъ въ это время изъ избы вышла Настя и, обращаясь за чѣмъ-то къ нему, назвала его тятенькой.

— Погоди! — строго цыкнулъ онъ на нее, отмахиваясь рукой, и потомъ, обращаясь ко мнѣ, раболѣпно спросилъ:

— Ушицы не прикажете-ли сварить, ваше б-діе?

— Ушица ушицей, — отвѣтилъ я, —а вотъ какъ мнѣ лошадей достать?

Лицо Ермолая приняло озабоченное выраженіе.

— Лошадей-съ? Гдѣ-жъ теперь ихъ достанешь, лошадей-то? — заговорилъ онъ, перебирая пальцами по воздуху, словно играя на флейтѣ. — Самая близкая деревня отсюда восемь верстъ, да и тамъ не то что лошадей, — кутенка *) безпалаго не сыщешь; всѣ на работѣ теперь; вся Черемиса по лѣсу разбрелась. Какихъ теперь лошадей!

— А далеко-ли до Студеной?

— Шестнадцать верстъ считаютъ.

— Ну, а тамъ-то есть лошади?

— Какъ же, тамъ завсегда есть, тамъ станція.

— Ну, такъ какъ же мнѣ попасть-то туда?

— Да Митрій же вотъ васъ и довезетъ.

— Нѣтъ, я не поѣду, — отозвался мой ямщикъ. — Жарко больно, вишь, какъ лошадей-то упарилъ.

Положеніе мое становилось безвыходнымъ, и я принялся всѣми силами ублажать и уговаривать Митрія, чтобы онъ не бросалъ меня среди лѣса. Тотъ сначала отказывался, утѣшая тѣмъ, что, авось, кто изъ Царева набѣжитъ, такъ на обратныхъ доставитъ; но въ концѣ концовъ согласился, выговоривъ себѣ только часа четыре на отдыхъ, чтобы покормить и дать время отдохнуть лошадямъ.

— А ушицу прикажете сварить?— повторилъ опять свой вопросъ Ермолай.

— Что жъ, свари, пожалуй, — согласился я. — Только скажи, нельзя-ли гдѣ-нибудь у васъ тутъ выкупаться.

— Расчудесно можно-съ,—весело отозвался Ермолай. — Настюшка,—обратился онъ къ дочери, — проводи барина, укажи мѣсто.

Я надѣлъ сапоги и пошелъ за молодой дѣвушкой. Завела она меня довольно далеко, потому что по близости, по ея словамъ, было топко и дно нечистое.

— Вотъ здѣсь,—указала она наконецъ, когда мы вышли на небольшой песчаный мысокъ,—здѣсь хорошо.

*) По мѣстному — щенка.

Красивая картина развертывалась передъ моими глазами. Большое озеро, со всѣхъ сторонъ обрамленное густымъ лѣсомъ, какъ расплавленный свинецъ сверкало подъ лучами солнца; почти по срединѣ его зеленѣлъ небольшой островокъ.

— Глубоко тутъ у васъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, здѣсь неглубоко, здѣсь мы всѣ купаемся.

— Нѣтъ, я вообще про озеро спрашиваю.

— Озеро-то глубокое, есть мѣста и дна не достанешь.

— Ну, а рыба какая водится?

— Рыба всякая, а больше—лини. Что-жъ вы не купаетесь-то?—спросила она, видя, что я все продолжаю стоять и смотрѣть на озеро.

— Да вотъ жду, когда вы уйдете, — отвѣтилъ я, улыбаясь.

— А чего-жъ мнѣ уходить, я и сама выкупаться хочу, — совсѣмъ просто отвѣтила дѣвушка.

И, стойдя шаговъ тридцать въ сторону, принялась раздѣваться. Это меня крайне смутило. Я не зналъ, какъ мнѣ поступить, — уйти-ли совсѣмъ, или просто не смотрѣть на нее. Выбравъ послѣднее, я зашелъ за стволъ гигантской сосны и тоже началъ снимать съ себя платье. Черезъ минуту звонкіе всплески воды объявили мнѣ, что Настя уже купается. Махнувъ на все рукой, я рѣшительно вышелъ изъ моей засады и бросился въ воду. Она была довольно чиста и тепла.

— Вправо-то далеко не забирайте, тамъ глыбко.

— А славное тутъ дно,—отозвался я.

И такимъ образомъ, перекликаясь, принялись мы купаться...

Когда мы черезъ нѣсколько минутъ, выкупавшись, возвращались обратно, насъ потянуло сильнымъ дымкомъ.

— Тятенька уже уху варитъ,—проговорила Настя.

И дѣйствительно, подходя къ избушкѣ, я замѣтилъ, что кривоногій Ермолай суетливо хлопочетъ около только что разведеннаго костра, устанавливая закоптѣлый треножникъ съ подвѣшеннымъ къ нему котломъ.

— Какъ водичка понравилась? — крикнулъ онъ мнѣ навстрѣчу и, не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ:

— А я вамъ ушицу варить собираюсь, изъ окуньковъ да налимовъ; расчудесно будетъ.

Въ ожиданіи ухи я присѣлъ на крылечко и, закуривъ папиросу, принялся разговаривать съ то и дѣло шмыгавшей мимо меня Настей. Но при отцѣ дѣвушка была неособенно разговорчива, и хотя тотъ очень одобрительно прислушивался къ моимъ рѣчамъ, она отдѣлывалась только улыбками да односложными словами. Собаки улеглись около крылечка и продолжали посматривать на меня своими злыми глазами, но уже не ворчали больше.

Ямщикъ Митрій, отложивъ лошадей и поставивъ ихъ отъ

слѣпней и комаровъ подъ дымъ, самъ растянулся возлѣ костра и принялся покуривать трубочку.

Поспѣла уха. Мы всѣ четверо принялись хлебать ее прямо изъ котелка, заѣдая ноздреватымъ ржанымъ хлѣбомъ.

— Такъ вы тутъ вдвоемъ въ лѣсу и живете?—заговорилъ я, обращаясь къ Ермолаю.

— Такъ и живемъ-съ,—отвѣтилъ онъ, дуя себѣ на ложку.

— И не боитесь?

— Чего-жъ бояться-то? Капиталовъ у насъ нѣтъ, ограбить нечего, а отъ звѣря «собачки вѣрныя» стерегутъ.

— Но вѣдь невсегда же ты тутъ сидишь? Приходится тебѣ и уходить иногда?

— Ну, такъ что-жъ?

— Какъ же ты Настю-то одну оставляешь?

Глаза Ермолая вдругъ засверкали какимъ-то недобрымъ огонькомъ.

— А такъ вотъ и оставляю...—какъ-то странно проговорилъ онъ.—Коли кто ее обидѣть захочетъ, ну, что-жъ, пускай обидитъ, только ужъ потомъ пусть не прогнѣвается, на обидчиковъ у меня свой судъ да расправа; жаловаться не пойду, и обидчику-то, пожалуй, жаловаться не придется.

Потомъ вдругъ, сразу перемѣнивъ тонъ, словно спохватившись, что онъ сказалъ что-то лишнее, Ермолай захихикалъ и добавилъ:

— Да что-жъ ее и обижать то, за что, за что ребенка обижать?

Я взглянулъ на семнадцатилѣтняго ребенка. Сквозь смуглый загаръ ея щечекъ выступилъ замѣтный румянецъ; глаза ея смотрѣли строго, а пухлыя губки сложились въ недовольную гримаску. Удивительно хороша она была въ эту минуту.

— А гдѣ же твоя жена?—спросилъ я, чтобы перемѣнить тему разговора, но перемѣна оказалась неособенно удачна. Ермолай какъ-то хмуро понурился.

— Хозяйка моя померши, шестой годъ уже померши, двое насъ только и есть.

На красивый лобикъ Насти набѣжала тучка. Я совсѣмъ сконфузился и замолкъ, только ямщикъ Митрій оставался совершенно безучастнымъ къ нашему разговору и продолжалъ аппетитно хлебать горячую и вкусную уху. Позавтракавъ, я почувствовалъ непреодолимое желаніе соснуть. Времени еще оставалось много, а жара совсѣмъ разморила меня.

Митрій, разложивъ въ тѣни громадныхъ сосенъ большую охапку сѣна и уложивъ въ изголовье мою подушку, приготовилъ мнѣ постель.

Растянувшись на этомъ мягкомъ ложѣ и прикрывъ отъ комаровъ лицо платкомъ, я заснулъ сразу, какъ убитый. Пропадалъ я очень долго, часовъ пять подъ-рядъ.

— Что-жъ ты меня, братецъ, не разбудилъ?—съ укоромъ обратился я къ моему ямщику.

— Да что-жъ тебя будить-то? Не къ спѣху, доѣхать успѣемъ, я вижу спитъ человѣкъ, ну и пускай спитъ, да и лошадки за то время отдохнули.

— А какъ дорога теперь будетъ?

— Да что дорога? Дорога теперь, почитай, все такая же, малость развѣ получше.

Черезъ полчаса лошади были заложены, и я, расплатившись и распростившись съ Ермолаемъ и его красавицей-дочкой, тронулся въ дальнѣйшій путь.

Съ полъ-версты отъ Таира опять начались пески, и опять, медленно колыхаясь, поплыла моя плетенка, переваливаясь черезъ змѣеобразные корни сосенъ.

— А это ты съ Ермолаемъ-то напрасно про жену заговорилъ,—началъ мой ямщикъ, поворачивая ко мнѣ свое добродушное лицо.

— Почему такъ?

— Не любитъ онъ этого. Утопилъ вѣдь онъ ее.

— Какъ утопилъ?

— Да такъ утопилъ. Вывезъ на лодкѣ на середку озера, да внизъ головой и пустилъ.

— За что?

— Разно баютъ. Бабенка-то, слышь, непутевая была. Теперь вотъ дочка-то его, Настя, вѣдь это не его дочь.

— А чья же?

— А тутъ у богатаго купца въ Царевѣ французъ жилъ, дѣтей, значитъ, обучалъ, такъ вотъ, баютъ, что это французова. И француза-то этого чуть Ермолай не убилъ, плечо ему прострѣлилъ насквозь. Пошли вмѣстѣ за медвѣдемъ охотится, ну Ермолай-то въ него и пальнулъ. На судѣ говорилъ: «нечайно»; а тутъ какъ разъ новый судъ подоспѣлъ, его и оправдали. Французъ уѣхалъ. Много тогда народу на Таиръ бражничать пріѣзжало; изъ Царева уху-то ѣсть и лѣсничіе, и акцизные всякіе.

— Что она хороша, что-ли, собой была?

— Нѣтъ, такъ себѣ, только весела больно.

— Такъ какъ же нашли тѣло-то ея?

— Нашли. И опять Ермолая судили, и опять сухъ вышелъ: «Сама-де утопилась». Повѣрили, потому она и допрежъ того топиться собиралась. А Ермолай-то какъ сдѣлалъ? Ее съ лодки то сбросилъ, а когда она утонула, и самъ въ воду спрыгнулъ, да до берега доплылъ, а лодку-то къ островку прибило. Вотъ и вышло, что какъ будто она сама на островъ-то выѣхала, да въ воду бросилась, а Ермолай на судѣ божился, что онъ и плавать-то не умѣетъ. «Гдѣ мнѣ съ кривыми то ногами, я, баетъ, какъ топоръ ко дну пойду». А свидѣтель только и былъ

Настюшка, ребенокъ махонькій, запугалъ онъ ее, знать, она ничего и не показала.

— А что, въ самомъ дѣлѣ Ермолай плавать не умѣетъ?

Митрій только ухмыльнулся.

— Не умѣетъ!.. Какъ нырокъ плаваетъ, только не показываетъ никому.

— А ты почемъ же знаешъ?

— Самъ видѣлъ.

— Почему-жъ ты на судѣ этого не заявилъ?

— Да что-жъ, мое дѣло сторона. Да и то сказать, на томъ свѣтѣ Господь-то лучше всякаго суда его разсудитъ. Теперь вотъ Настюшка съ нимъ мается. Два раза убѣгала отъ него.

Мрачный, темный лѣсъ окружалъ меня со всѣхъ сторонъ, тая свои мрачныя, темныя тайны. Глухо и мертво было въ немъ, только однообразно гудѣли вершины столѣтнихъ сосенъ, да щелкалъ дятелъ, словно могильщикъ, забивающій гвозди въ крышку гроба. Воздухъ становился все удушливѣе и удушливѣе, и къ аромату согрѣвшейся хвои прибавлялся какой-то посторонній, тяжелый запахъ гари. Много уже верстъ проѣхалъ я по лѣсу,—и ни одной встрѣчи; потому понятно, что я очень обрадовался, когда впереди изъ-за лѣса донеслись до меня первые почтовые колокольчики.

— Изъ Царева кто-то гонитъ, — сказалъ Митрій, пріостанавливая лошадей и поворачиваясь ко мнѣ.

— Ну такъ что-жъ?—спросилъ я.

— Такъ вотъ помѣняться-бы. Я-бы того сѣдока себѣ взялъ, а ты-бы на тѣхъ лошадяхъ до Студеной доѣхалъ; а то больно не хочется мнѣ далеко-то забираться.

— Что-жъ мѣняйся, пожалуй.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за поворота показалась парочка рыженькихъ лошадокъ, запряженныхъ въ совершенно такую же плетенку, какъ и моя.

— Постой-ка, парень!—крикнулъ Митрій молодому ямщику, сидѣвшему на козлахъ.

Тотъ остановилъ лошадей. Митрій подошелъ къ нему и началъ свои переговоры. Встрѣтившійся мнѣ проѣзжающій оказался совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, учителемъ Царевококшайскаго уѣзднаго училища. Мы вылѣзли изъ нашихъ плетенокъ и познакомились. Переговоры пришли къ благопріятному результату. Я долженъ былъ заплатить Митрію до Студеной, а учитель своему Ванюхѣ до Таира; а ужъ они тамъ какъ-то сами разсчитались между собой.

— А вы знаете, пожаръ начался, лѣсъ горитъ, — сообщилъ мнѣ между прочимъ учитель.

— Гдѣ пожаръ?

— Да возлѣ самой Студеной, къ Цареву тянетъ; хотя вѣтру и нѣтъ, а очень шибко бѣжитъ.

— То-то и здѣсь запахъ гари слышенъ.

— Да, и сюда доноситъ, а тамъ и не приведи Богъ, дымъ какой.

— А не опасно мнѣ это ѣхать будетъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ учитель и вопросительно посмотрѣлъ на своего ямщика Ванюху.

— Ничего, доѣдемъ,—отвѣтилъ тотъ.

Простившись съ учителемъ, я перемѣстился въ плетенку. Ванюха повернулъ лошадей, и мы тронулись въ путь.

(*Продолженіе будетъ*).

МАРОККО.

Очеркъ И. С.

III.

МАРОККО—деспотическая страна въ полномъ смыслѣ этого слова. Императоръ или султанъ, какъ величаютъ его, — полный господинъ надъ всѣмъ, чѣмъ владѣютъ его подданные. Мало того, и жить имъ полагается только условно: захочетъ,—позволитъ жить, не захочетъ, — сниметъ голову, и никто не можетъ быть въ претензіи за это, такъ какъ султанъ—замѣститель Бога на землѣ, словомъ, — человѣкъ, совмѣщающій въ себѣ и земную, и божественную власть. Въ противоположность мало уважаемому турецкому султану, мароккскій султанъ именуетъ себя султаномъ Запада и считаетъ себя первымъ калифомъ всѣхъ правовѣрныхъ.

Относительно управленія своимъ народомъ мароккскій монархъ придерживается оригинальнаго мнѣнія, что чѣмъ народъ бѣднѣе, несчастнѣе, чѣмъ онъ угнетеннѣе и жалче, тѣмъ менѣе способенъ къ вооруженному противодѣйствію, къ возмущенію, къ смутамъ, — словомъ, тѣмъ спокойнѣе. Вслѣдствіе этого взгляда монарха вся внутренняя политика Марокко сводится къ тому, что сильный старается погубить слабаго и довести его до нищенства, а султанъ стремится ограбить всѣхъ. Поэтому можно сказать, что все Марокко раздѣляется на грабителей или мошенниковъ и ограбленныхъ. Тамъ такъ и говорятъ, что «большія рыбы проглатываютъ малыхъ, а султанъ — всѣхъ». О заботахъ султана относительно своихъ подданныхъ нечего и говорить: онъ закрываетъ глаза на грабежъ народа чиновниками и только заботится о своихъ удовольствіяхъ.

Впрочемъ, небольшое вниманіе султана занимаетъ еще армія, состоящая теперь тысячъ изъ десяти пѣхоты и четырехъ сотенъ кавалеріи. Въ арміи имѣется много иностранныхъ инструкторовъ, которымъ платятъ хорошія деньги, что ложится тяжелымъ бременемъ на истощенный и безъ того народъ.

При такомъ образѣ правленія неудивительно, что ни въ одной отрасли жизни Марокко не замѣчается никакого прогрессивнаго движенія: все словно застыло и окаменѣло въ прежнихъ формахъ. Торговля гибнетъ, вслѣдствіе запрещенія ввоза и вывоза, а потому не можетъ развиться и промышленность, которая осталась въ такомъ же состояніи, въ какомъ она была въ эпоху изгнанія мавровъ изъ Европы: тѣ же орудія, тѣ же способы обработки, тѣ же матеріалы и т. п. Даже земледѣліе находится чуть не въ зачаточномъ состояніи, такъ какъ земледѣльцы обременены тяжестью податей.

О наукѣ нечего и говорить: она заглушена въ своемъ зачаткѣ нетерпимостью корана и сводится къ небольшому числу начальныхъ свѣдѣній, чисто догматическаго характера, которыя преподавались еще въ средніе вѣка. Между тѣмъ когда-то Марокко гремѣло на весь свѣтъ своимъ просвѣщеніемъ, и сюда стекались, руководимые жаждой знанія, магометане и христіане всего міра. Центромъ ихъ стремленій былъ Керуанскій университетъ въ г. Фецѣ, основанный въ IX в. жительницей Керуана (въ Тунисѣ) Фатьмой Святой. Слѣдовательно, это старѣйшій въ мірѣ университетъ. Въ былыя времена сюда сходились изучать науку уроженцы Египта, Туниса, Триполи, равно какъ и андалузцы, французы, англичане нѣмцы... Теперь же эта маститая alma mater магометанъ совсѣмъ упала въ отношеніи науки; библіотека университета содержитъ массу

МАРОККСКІЙ СУЛТАНЪ.

САДЪ ПРИ ГАРЕМѢ ВЪ МАРОККО.

книгъ на разныхъ европейскихъ языкахъ, но ихъ никто не читаетъ, такъ какъ нѣтъ знатоковъ этихъ языковъ.

Нѣкто С. Бонзаль, долгое время проведшій въ стѣнахъ Керуанскаго университета, сообщаетъ любопытныя подробности о немъ.

Керуанскій университетъ занимаетъ въ центрѣ города площадь въ три или четыре гектара. Онъ представляетъ собою скорѣе группу мечетей, съ минаретами изъ лакированныхъ кирпичей, чѣмъ отдѣльное зданіе. Входъ въ него открывается черезъ древнія мѣдныя ворота замѣчательной отдѣлки. Надъ воротами чудныя украшенія изъ рѣзнаго кедра. Вездѣ устроена мостовая изъ кирпича, на которую правовѣрные кладутъ ковры, чтобы становиться на колѣни при молитвѣ, а часто, такъ же какъ и въ другихъ храмахъ, — чтобы спать. Совокупность всѣхъ зданій представляетъ въ одно и то же время караван-сарай, библіотеку, мечеть и университетъ. Тамъ постоянно многочисленная толпа, и двери не запираются ни днемъ, ни ночью.

Керуанскій университетъ есть настоящее государство въ государствѣ, самоуправляющееся и признающее высшую власть только формально. Онъ состоитъ изъ «фукіе» или профессоровъ, «эминовъ» или доцентовъ и студентовъ («софтъ»). Самъ марокккскій султанъ не имѣетъ никакой власти надъ университетомъ. Три года тому назадъ былъ такой случай, наглядно доказавшій это. Онъ задумалъ отставить «моккадема» или ректора университета, который получаетъ эту должность по праву рожденія, начиная отъ Фатьмы Святой. Тогда во всемъ университетѣ поднялся крикъ порицанія, столь единодушный и угрожающій, что стало необходимымъ отмѣнить постановленіе. Султанъ объявилъ, что почтенный его отецъ явился ему во снѣ и просилъ возстановить ректора. Съ тѣхъ поръ султанъ не мѣшается въ университетскія дѣла.

Съ научной точки зрѣнія курсы и лекціи Керуанскаго университета неслишкомъ высокаго достоинства. Большинство прибывающихъ туда студентовъ едва умѣютъ читать и писать. Первое воспитаніе они получаютъ въ начальныхъ училищахъ, позже они подъ руководствомъ «шалеба» или ученаго мужа выучиваютъ наизустъ извѣстное число стиховъ изъ корана. Вотъ и все ихъ предварительное ученіе. Нѣкоторые изъ студентовъ потомъ становятся учеными юристами.

Число студентовъ около тысячи, изъ нихъ четыреста стипендіаты, которые посылаются со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра, чтобы впослѣдствіи стать профессорами, духовными особами и судьями своихъ согражданъ. Эти стипендіаты ежедневно получаютъ скудную порцію пищи на средства, завѣщанныя Фатьмой, и каждый годъ платье изъ бумажной матеріи, которое и служитъ ихъ единственной одеждой. Они спятъ на открытомъ воздухѣ во дворѣ мечети, пьютъ воду изъ фонтановъ и ѣдятъ ежедневно хлѣбъ. Если стипендіатъ имѣетъ нѣкоторое пособіе отъ семьи, то поселяется въ кельѣ со сводами въ окрестностяхъ университета. Многіе другіе студенты пользуются гостепріимствомъ у какого-нибудь городскаго купца и раздѣляютъ даже его столъ въ обмѣнъ за услуги въ домѣ. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, нѣкоторые студенты достигаютъ значительныхъ успѣховъ, особенно въ математикѣ. По географіи же они имѣютъ карты, на которыхъ Марокко занимаетъ почетное мѣсто, съ Бѣлымъ, т. е. Средиземнымъ моремъ, Египтомъ, Сиріей, Аравіей и Константинополемъ. Упоминаются на нихъ Персія и Россія, но Англія и Франція совсѣмъ не имѣютъ мѣста.

СТЫЧКА МАВРОВЪ.

Вообще отъ прежняго просвѣщенія теперь не осталось и слѣда въ Марокко; его смѣнили дикость и крайнее невѣжество, особенно въ массѣ простаго народа, который опустился до самой низшей степени.

О культурности какой-нибудь страны можно судить, на нашъ взглядъ, по положенію въ ней женщинъ. Какая же громадная разница замѣчается между положеніемъ женщины арабовъ и мавровъ прежде и теперь! Прежде женщины Марокко изучали науки; между ними было даже нѣсколько выдающихся профессоровъ и ученыхъ. Въ то время права женщинъ стояли на одномъ уровнѣ съ правами мужчинъ; женщина пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, и такое ея положеніе не замедлило оказать благодѣтельное вліяніе на государственную и семейную жизнь.

Напротивъ, нынѣшняя женщина у мавровъ не играетъ въ общественной жизни никакой роли. Она или игрушка своего мужа въ его гаремѣ, или его рабочая скотина. Причиной такого печальнаго положенія женщины служитъ невѣжество и узкій, меркантильный кругозоръ нынѣшняго мавра. Нынѣшній мавръ сохранилъ отъ прежняго только свою благородную по внѣшности осанку, серьезный сосредоточенный видъ и нѣкоторые обычаи и привычки; но нѣтъ того порока, которымъ не обладалъ-бы мавръ. Мы уже говорили о скупости, о грязной скаредности мавровъ, но еще болѣе антипатично ихъ ханже-

ство: во время самой усердной молитвы въ мечети, по выраженію лица ихъ видно, что они заняты какими-то меркантильными разсчетами. Далѣе, современные мавры, въ противоположность своимъ благороднымъ предкамъ, отличаются замѣчательной нетерпимостью и не признаютъ другой религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, какъ истые торгаши, лишены всякаго чувства патріотизма: вся ихъ жизнь направлена лишь къ накопленію богатства, хотя-бы съ помощью самыхъ возмутительныхъ средствъ...

При такомъ положеніи дѣлъ, для спасенія Марокко нуженъ второй Петръ Великій, какъ говоритъ профессоръ М. Венюковъ, но нынѣшній султанъ имъ быть не можетъ, и дождется-ли когда эта богатая отъ природы страна своего реформатора, одному Богу извѣстно!

Въ концѣ 1893 года на Марокко было обращено вниманіе всей Европы по случаю его распрей съ Испаніей изъ-за Мелилы. Мелила расположена на южномъ берегу Средиземнаго моря и въ прежнія времена входила въ африканскія владѣнія Испаніи. Теперь же послѣдней принадлежитъ лишь небольшая береговая полоса съ крѣпостью Цеутой (противъ Гибралтара). Рядъ фортовъ защищаетъ испанскія владѣнія отъ кабиловъ, окрестныхъ жителей Марокко. Между испанскими и марокскими владѣніями, на нейтральной полосѣ, здѣсь находится могила какого-то мусульманскаго святого, къ которой постоянно сходится масса мусульманъ на поклоненіе. Испанцы, желая прекратить опасныя для нихъ скопленія мусульманъ около своихъ владѣній, подъ какимъ-то предлогомъ срыли эту могилу. Кабилы справедливо возмутились и бросились на осквернителей святыни. Такимъ образомъ возгорѣлась война, въ которой марокканцы остались побѣдителями. Испанцы принуждены были уступить.

ВѢРИТЬ ИЛИ НЕ ВѢРИТЬ?

Экскурсіи въ область таинственнаго.

Очерки В. Битнера.

IV. Психическое воздѣйствіе на разстояніи. (Телепатія и телефанія).

(*Окончаніе*).

Сопоставляя всѣ явленія экстеріоризаціи и симпатеизма другъ съ другомъ, а также не забывая того частнаго случая экстеріоризаціи чувствительности, на которомъ основано симпатическое леченіе и колдовство при помощи разнаго рода мумій (mumies — всякія части и выдѣленія нашего тѣла: волосы, ногти, потъ, кровь, мокрота и т. п. *), наузъ и пр., и имѣя въ виду вполнѣ доказанный фактъ излученія изъ человѣческаго тѣла магнитовъ и др. тѣлъ какого-то свѣтящагося въ темнотѣ вещества, намъ становятся понятными многіе казавшіеся необъяснимыми случаи телепатіи.

Въ самомъ дѣлѣ, говоря словами знаменитаго стариннаго шотландскаго ученаго Максуэлля, «каждое тѣло выдѣляетъ тѣлесныя излученія», обладающія извѣстною силою и энергіею. Повидимому, во снѣ, въ гипногогическомъ и въ особености въ гипнотическомъ состояніи они выдѣляются сильнѣе, вокругъ паціента образуется пространство, насыщенное этими излученіями, которыя могутъ пропитывать всѣ окружающіе предметы. «Муміи», представляющія собою вещества, напитанныя этою разрѣженною, обладающею особыми свойствами матеріею, выдѣлившеюся изъ человѣка; субъекты, приведенные съ нимъ въ магнетическій раппортъ, тѣла, на которыя перенесена его чувствительность и пр., — всѣ они выдѣляютъ эту разрѣженную матерію, которая циркулируетъ между связанными между собою тѣлами, безразлично — одушевленными или нѣтъ, причемъ разстояніе, повидимому, не прекращаетъ этого взаимнаго обмѣна, а лишь ослабляетъ его. Для того, чтобы легче представить себѣ процессъ образованія связи между какою-нибудь «муміею», «экстеріоризированнымъ» предметомъ, приведеннымъ въ раппортъ человѣкомъ и т. д., приходится предположить, что всѣ они, удаляясь отъ субъекта, оставляютъ за собою слѣдъ на подобіе, скажемъ, кометнаго хвоста, состоящаго изъ выдѣляемой ими, какъ говорятъ старинные писатели, «сущности». Здѣсь, такимъ образомъ, повидимому, устанавливается, такъ сказать, родъ подвижнаго равновѣсія, основаннаго на постоянной циркуляціи матеріи, — приливахъ и отливахъ сущности или жизненнаго принципа Парацельса и др. старинныхъ ученыхъ (un perpétuel mouvement de flux et de reflux). Если это равновѣсіе будетъ тѣмъ или инымъ способомъ нарушено, то субъектъ долженъ это почувствовать.

Дѣйствіе медикаментовъ на разстояніи объясняется при помощи этой старинной теоріи, начинающей понемногу пріобрѣтать сторонниковъ даже среди самыхъ серьезныхъ современныхъ ученыхъ, — тѣмъ, что во время гипноза, когда изъ человѣческаго тѣла съ особенною силою излучается упомянутая энергія, а изъ даннаго медикамента выдѣляются тончайшія, скажемъ, испаренія, между субъектомъ и лекарствомъ устанавливается при помощи этой посредствующей матеріальной среды сообщеніе, и, стало быть, дѣйствіе медикамента теряетъ значительную долю своей загадочности *).

Съ точки зрѣнія этой теоріи давно подмѣченная таинственная связь между магнетизеромъ и паціентомъ, странная «симпатія» между близнецами и пр. находитъ свое оправданіе въ существованіи непрерывной связи между этими лицами. Простое рукопожатіе, полученіе письма, играющаго роль «муміи» и т. п. сношенія, не говоря уже о кровномъ родствѣ, позволяютъ допустить существованіе болѣе или менѣе сильной циркуляціи неизвѣстной энергіи, которая при благопріятныхъ къ тому условіяхъ способна принять ощутительные размѣры. Странная иронія судьбы! — Давно-ли высказываніе подобнаго рода мыслей считалось-бы признакомъ полнаго невѣжества и грубѣйшаго суевѣрія?! А въ настоящее время самые серьезные, толстые иностранные журналы открываютъ свои страницы для изложенія этихъ старыхъ, казалось, на вѣки похороненныхъ средневѣковыхъ теорій!

Такимъ образомъ, если принять гипотезу циркуляціи особой неизвѣстной энергіи между субъектами, находящимися въ раппортѣ другъ съ другомъ, то случаи телепатіи, гдѣ смерть агента происходитъ въ отсутствіи какого-либо живаго существа, теряютъ извѣстную долю своей загадочности. Если же къ этому прибавить никѣмъ въ настоящее время серьезно неоспариваемое явленіе чтенія и передачи мыслей и образовъ на разстояніи, то, кажется, трудно будетъ найти случай, который не поддавался-бы толкованію при помощи этихъ двухъ гипотезъ, имѣющихъ экспериментальное основаніе. При этомъ обстоя-

*) Краткія свѣдѣнія объ этомъ читатель найдетъ въ нашей книжкѣ «Чудеса гипнотизма», къ которой мы пока и отсылаемъ его.

*) Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы умалчиваемъ о роли внушенія въ виду несомнѣннаго его иногда отсутствія.

тельство, что агентъ часто думаетъ о перципіентѣ въ то время, когда послѣдній видитъ не себя, а оператора, очевидно, не имѣетъ существеннаго значенія, а одно лишь, какъ мы уже сказали, косвенное, въ смыслѣ привлеченія себѣ *вниманія* перципіента, и такъ связаннаго съ нимъ своего рода токомъ.

Для примѣра предлагаемъ читателю взять предпослѣдній *) изъ приведенныхъ случаевъ телепатіи, какъ наиболѣе трудный, и постараться объяснить его на основаніи этихъ двухъ теорій. При этомъ обращаемъ вниманіе на то, что братъ и сестра (Вильямъ и г-жа S.) были близнецы, что неопредѣленное безпокойство послѣдней началось съ того времени, какъ Вильямъ заснулъ на полотнѣ желѣзной дороги, что онъ находился въ особомъ состояніи, близкомъ къ извѣстной формѣ гипноза, когда человѣкъ теряетъ способность произвольныхъ движеній, при сохраненіи сознанія дѣйствительности. Все, стало быть, способствовало возникновенію въ мозгу сестры убитаго представленія о грозившей ему опасности. Представленіе у S. объ ударѣ въ голову и плечо, послѣ чего наступила смерть, тоже не представляетъ съ точки зрѣнія теоріи особыхъ трудностей для объясненія. Самое же, повидимому, непреодолимое затрудненіе является въ фактѣ присутствія на поѣздѣ Джонстона, тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстно, когда представленіе о послѣднемъ возникло въ умѣ г-жи S. — послѣ удара въ голову ея брата, или до этого. Если Вильямъ еще жилъ, когда его *знакомый* проѣзжалъ мимо такъ близко, то, благодаря всѣмъ извѣстной повышенной чувствительности, нерѣдко сопровождающей особое психическое состояніе лежавшаго на полотнѣ желѣзной дороги, онъ могъ почувствовать присутствіе Джонстона и составить объ этомъ сознательное или, пожалуй, вѣрнѣе, безсознательное о немъ представленіе, которое сообщилось сестрѣ Вильяма. Если же ударъ былъ нанесенъ, то не слѣдуетъ забывать, что смерть представляетъ собою не какой-нибудь одинъ моментъ, совпадающій съ прекращеніемъ сердечной дѣятельности, а актъ, продолжительность котораго не можетъ быть опредѣлена. Если читатели помнятъ извѣстный опытъ, въ которомъ казненный послѣ обезглавленья не только понималъ и помнилъ условіе, но даже не потерялъ еще способности раздѣльнаго управленія мышцами вѣкъ **), для чего, какъ легко понять, необходимо активное участіе многихъ центровъ мозга, то имѣемъ-ли мы право что-нибудь говорить о времени прекращенія *всякой* мозговой дѣятельности? Но, допустивъ даже, что въ моментъ удара Вильямъ потерялъ сознаніе, нельзя упускать изъ виду, что существуетъ еще безсознательная дѣятельность мозга, наше *второе я*, роль котораго въ нашей жизни гораздо больше, чѣмъ обыкновенно принято думать.

Сколько времени тянется замираніе мозговыхъ процессовъ, да и въ чемъ оно состоитъ, — намъ ни теперь и никогда послѣ, вѣроятно, не будетъ извѣстно. Быть можетъ, само разложеніе мозга, сопровождаемое молекулярными его измѣненіями, производитъ особаго рода вибрацію той тончайшей среды, называемой эфиромъ, который есть ничто иное, какъ разрѣженная матерія, и такъ или иначе вліяетъ на другой съ нимъ связанный мозгъ живущаго человѣка. Накопецъ, намъ неизвѣстно еще, сколько времени продолжается самая эта связь живаго съ мертвымъ, а что она должна существовать, — на это есть нѣкоторыя данныя, не имѣющія ничего общаго съ вѣрою въ загробное существованіе, но всецѣло основанныя на наблюденіяхъ, чуждыхъ всякаго рода общеній съ «духами». Объ этомъ, какъ и о многихъ здѣсь едва задѣтыхъ вопросахъ, мы еще будемъ говорить въ слѣдующихъ очеркахъ, здѣсь же, повторяемъ, мы дѣлаемъ только намеки на возможныя толкованія явленій телепатіи.

Но читатель, конечно, уже давно подготовилъ возраженіе, что какъ-бы ни растягивать процессъ угасанія жизнедѣятельности мозга, какія-бы въ этомъ отношеніи ни дѣлать натяжки, все же многія явленія призраковъ лицъ, давно умершихъ, не могутъ быть объяснены этимъ способомъ.

Дѣйствительно, такого рода гипотеза была-бы слишкомъ неубѣдительна, если-бы мы вздумали пользоваться ею одною. Но на подмогу выставляется еще и другая, которая обыкновенно считается основною, признаваемою большинствомъ психологовъ, — мы хотимъ сказать о пребываніи впечатлѣній, идей, образовъ въ скрытомъ состояніи до наступленія благопріятнаго момента, когда эти впечатлѣнія выплываютъ наружу, реализуются. Нужно при этомъ замѣтить, что послѣдняя гипотеза многими только и признается, вопросъ же о возможности посмертнаго вліянія мозга безъ участія «духовъ» рѣшается отрицательно. Впрочемъ, какъ мы надѣемся показать въ дальнѣйшихъ очеркахъ, обѣ эти гипотезы нуждаются для нѣкоторыхъ случаевъ въ существенныхъ дополненіяхъ. Нужно, какъ это ни грустно, сознаться, что существуютъ факты, для раціональнаго объясненія которыхъ у насъ еще слишкомъ мало данныхъ, да и вообще всѣ эти явленія, о которыхъ была рѣчь въ настоящей главѣ, требуютъ продолжительныхъ изслѣдованій, основанныхъ на добросовѣстномъ собраніи и классифицированіе обширнаго матеріала, критически провѣреннаго.

Кончая настоящую статью, цѣль которой по возможности показать тотъ путь, какого слѣдуетъ держаться при изученіи явленій телепатіи, съ цѣлью *раціональнаго*, т. е. безъ участія «духовъ» ея объясненія, мы позволимъ себѣ въ заключеніе нашей на этотъ разъ слишкомъ продолжительной бесѣды привести слова глубокаго знатока телепатіи Майерса.

Уже изъ приведенныхъ нами примѣровъ и разбора нѣкоторыхъ изъ нихъ читатели могли убѣдиться, что явленія телепатіи представляютъ иногда нѣкоторыя различія какъ по своей формѣ, такъ и по условіямъ проявленія. Гэрней, Майерсъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи склоняются къ тому мнѣнію, что формъ телепатическаго воздѣйствія нѣсколько. Насколько это вѣрно, судить не беремся. Но, во всякомъ случаѣ, слабыя явленія, наблюдаемыя на нашихъ сеансахъ, отличаются отъ яркихъ примѣровъ спонтанной телепатіи, проявляющей свое дѣйствіе на разстояніи тысячъ верстъ, «не болѣе, чѣмъ слабыя, едва замѣтныя электрическія явленія, замѣчаемыя при поглаживаніи мѣха кошки или треніи куска янтаря, — отличаются отъ яркихъ, глубоко-поразительныхъ грозовыхъ явленій на небесномъ сводѣ».

Будемъ же надѣется, что совокупныя усилія людей, преданныхъ наукѣ, со временемъ сдѣлаютъ изъ телепатіи столь же послушное орудіе, — но не въ примѣръ совершеннѣе, — какимъ въ настоящее время является тотъ «небесный огонь», называемый электричествомъ, который переноситъ человѣческую мысль на десятки тысячъ верстъ *).

*) О случаяхъ, аналогичныхъ послѣднему примѣру, т. е. о явленіяхъ умершихъ, мы будемъ говорить въ особомъ очеркѣ.

**) Согласно уговору, отрубленная голова должна была открыть правый глазъ, что и было ею исполнено, хотя и съ громаднымъ трудомъ.

*) **Къ читателямъ.** Желая по мѣрѣ силъ послужить этой идеѣ и надѣясь, что и среди читателей многіе найдутся ей сочувствую…

НАШИ ИЗОБРѢТАТЕЛИ.

Гр. Ф—та.

ВЕЛИКА и обильна наша родная Русь! Сколько могучихъ, нетронутыхъ силъ таится еще подъ спудомъ въ ея дебряхъ! Сколько талантовъ и геніевъ скрывается подъ сѣрою сермягою нашего мощнаго, неприхотливаго, выносливаго исполина-народа! Правда, до сихъ поръ еще толстая кора вѣковыхъ наслоеній невѣжества гнететъ его могучія силы; до сихъ поръ онъ еще не развернулся во всю свою мощь, а попрежнему скромно прячется по своимъ дремучимъ борамъ, загроможденнымъ валежникомъ; попрежнему родная соха да косуля бороздятъ его поля... Спитъ еще богатырь; не настала еще пора его дѣятельности; все еще собираетъ онъ «силу великую»,— и современная жизнь его все еще похожа на безконечныя, одѣтыя густыми туманами да влажнымъ мхомъ, родныя болота... Геній Великаго Петра, блестящимъ метеоромъ пронесшійся надъ этимъ соннымъ царствомъ, еле всколыхнулъ его, задѣвъ чуть-чуть. А въ прорубленное Великимъ Преобразователемъ окно въ Европу попрежнему смотрится не коренная, «матерая» Русь, а ея младшіе братья, подготовляющіе открытый путь богатырю.

Однако, недалеко уже время, какъ проснется нашъ народъ, стряхнетъ съ себя вѣковую сонливость и подъ руководствомъ своихъ могучихъ Вождей пойдетъ по пути прогресса. Подобно тому, какъ бурлитъ и пѣнится котелъ, въ которомъ незадолго предъ кипѣніемъ появляются струйки горячей воды, все чаще и чаще выскакивающія на поверхность, гдѣ онѣ расплываются ровнымъ слоемъ,—такъ и то необъятное, таящее въ себѣ несмѣтныя богатства сонное царство, что зовется крещеною Русью,— начинаетъ стряхивать вѣковую неподвижность и пробуждается къ жизни.

Горячими струями, предвѣстницами кипучей будущей жизни, являются наши доморощенные геніи и таланты. Что изъ того, что они часто остаются непонятыми, что они, какъ ранніе цвѣты, отцвѣтаютъ, не успѣвъ расцвѣсти?! Они не исчезаютъ, не прекращаются, ими не оскудѣла еще русская земля. А разъ это такъ, значитъ, живъ еще и погруженный въ сонъ русскій народъ...

Одна бѣда: наше яко-бы интеллигентное общество невсегда идетъ здѣсь рядомъ съ благими предначертаніями правительства,—и мы не можемъ удержаться, чтобы не сдѣлать упрека ему за его отношеніе къ роднымъ геніямъ и талантамъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, словно какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ послѣдними! Между ними много такихъ, которые признаны всѣмъ образованнымъ міромъ, которые добились громкаго, славнаго имени заграницей, — а между тѣмъ у себя, на родинѣ, они нерѣдко не встрѣчаютъ не только сочувствія, но даже простаго вниманія. Всѣ ихъ усилія, направленныя къ прославленію родины, всѣ ихъ труды и лишенія наталкиваются на упорное равнодушіе нашихъ интеллигентовъ. Примѣры Лобачевскаго, Миклухо-Маклая, Петрова, Семенова, Яблочкова слишкомъ еще памятны, чтобы доказывать такое преступное отношеніе русскаго общества по отношенію къ своимъ лучшимъ членамъ.

Недавно намъ еще разъ пришлось убѣдиться въ справедливости своей мысли. Года два — три тому назадъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что французскій инженеръ Базенъ изобрѣлъ особое приспособленіе, позволяющее пароходамъ безпрепятственно проходить мели и превращающее пароходъ въ случаѣ нужды, въ подобіе колеснаго экипажа. Что же оказывается теперь? Одинъ русскій, нѣкто Н. Н. Бенардосъ, четырнадцатью годами ранѣе примѣнялъ къ пароходамъ подобное приспособленіе, но на него почему-то не удостоили обратить вниманіе.

«Въ семидесятыхъ годахъ, — пишутъ въ «Нов. Врем.», — особенно сильно начали жаловаться на обмелѣніе такихъ рѣкъ, какъ Волга, Днѣпръ и Донъ, а о болѣе мелкихъ и говорить нечего. Вода въ нихъ убывала и до сихъ поръ убываетъ съ быстротой и постоянствомъ, поистинѣ, ужасающими. И вотъ, въ то время, какъ инженеры возлагали все свое упованіе на землечерпанье изъ одной данаидиной бочки въ другую, столь же бездонную, или строили струеотводныя и стѣснительныя плотины, которыя стѣсняли болѣе государственную казну, нежели рѣки, такъ какъ послѣднія, не стѣсняясь, ежегодно ихъ срывали, жившій въ то время въ глуши Костромской губерніи, въ городѣ Лухѣ, Н. Н. Бенардосъ поставилъ ту же самую задачу иначе и, отказавшись воевать съ самими капризами рѣкъ, задался цѣлью такъ измѣнить конструкцію пароходовъ и барокъ, чтобы они не только могли проходить мели, едва покрытыя водою, но, при нуждѣ и случаѣ, могли-бы двигаться даже и по сухому мѣсту. Эта мысль и привела его къ идеѣ — замѣнить рѣжущее днище судовъ катками, на которыхъ оно могло-бы катиться какъ по рѣкѣ, на водѣ глубокой и мелкой, причемъ скорость судна неминуемо должна была увеличиться (что и подтвердилъ теперь Базенъ), такъ и по сухому пути, хотя-бы, напримѣръ, по пологому берегу, въ случаѣ необходимости обойти мельничную плотину или опасные пороги. Разумѣется, не имѣя средствъ и, еще болѣе разумѣется, имѣя подъ рукой только плотниковъ, хотя и костромскихъ, изобрѣтатель, однако, изловчился устроить свой маленькій пароходикъ. Въ длину пароходикъ имѣлъ три сажени, шириною былъ въ шесть съ половиной аршинъ, но зато сравнительно высокъ, имѣя отъ ватерлиніи до палубы четыре съ половиной аршина. Пароходикъ стоялъ

щіе, обращаемся съ покорнѣйшею просьбою о сообщеніи свѣдѣній, касающихся описанныхъ въ настоящей главѣ явленій, а также и другихъ фактовъ: о привидѣніяхъ, являющихся въ извѣстныхъ зданіяхъ и мѣстностяхъ, о левитаціи людей и предметовъ, безпокойныхъ домахъ и т. п. явленіяхъ. При этомъ, что касается телепатіи, желательно соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) Подробное описаніе факта лицомъ, испытавшимъ галлюцинацію, сопровождаемое подписью и подробнымъ адресомъ (фамилія лица безъ ясно выраженнаго позволенія ни въ какомъ случаѣ не будетъ печатана); число (мѣсяцъ и годъ) происшествія, которое отвѣчаетъ галлюцинаціи, должно быть, по возможности, подтверждено независимо отъ лица, которое испытало галлюцинацію. 2) Желательно, чтобы лица, которыя въ моментъ происшествій слышали о нихъ или какъ-нибудь видѣли, пожелали присоединить свои разсказы къ описанію лица, испытавшаго галлюцинацію. Насколько возможно, не должны они относительно этого совѣщаться ни между собою, ни съ галлюцинантомъ, чтобы одинъ разсказъ могъ подтверждать другіе. Если лицо, испытавшее галлюцинацію, или тѣ, кто о ней слышалъ, сдѣлали во время происшествія какія-нибудь замѣтки, то желательно, чтобы копіи ихъ были одновременно доставлены. 3) Въ особенности важно точное обозначеніе чиселъ и часовъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что желательно полученіе писемъ *четко* написанныхъ и снабженныхъ заголовками вродѣ: телепатія, явленіе умершаго, безпокойный домъ и т. п. Если кто-нибудь изъ читателей пожелалъ-бы получить отвѣтъ на вопросы, касающіеся гипнотизма, телепатіи, спиритизма и вообще т. н. оккультизма, то слѣдуетъ прилагать марки. Вопросы, могущіе имѣть общее значеніе, будутъ разсматриваемы въ особыхъ очеркахъ, помѣщаемыхъ въ «Пр. и Люди» или въ его «Почтовомъ ящикѣ», въ чемъ редакція, надѣемся, не откажетъ. Адресовать просимъ: Вильгельму Вильгельмовичу ф.-Битнеру, Бобруйскъ, соб. д.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Съ большимъ удовольствіемъ исполнимъ просьбу нашего почтеннаго сотрудника.

на цилиндрахъ діаметромъ въ одну сажень и длиною, по производящей, въ двѣ сажени. Такихъ цилиндровъ было два. Модель эту поднимали десять человѣкъ команды, и вѣсила она 600 пудовъ.

«Всего труднѣе было достать для этой модели какую-либо машину, но и это удалось съ грѣхомъ пополамъ. Машину въ *полторы лошадиныхъ силы* достали; однако, она могла вертѣть только лопастное колесо, самые же цилиндры пришлось на меляхъ двигать съ помощью воротовъ въ ручную.

«И вотъ на этой-то пробной и неуклюжей каракатицѣ изобрѣтатель прошелъ по рѣкѣ Луху въ рѣку Клязьму и затѣмъ въ Оку, на протяженіи 300 верстъ, переходя мели, надъ которыми было не болѣе четырехъ дюймовъ воды; переходилъ онъ и черезъ карчи, возвышавшіяся надъ водою на два вершка; и даже умудрился перебраться черезъ двѣ мельничныя плотины, и все это по рѣкѣ, даже для лодокъ *несудоходной*. Думалъ онъ, такимъ образомъ, пробраться до самаго Петербурга, но на пути сидѣло «канальское» начальство, нѣчто до того страшное, что изобрѣтатель сразу струсилъ, и, считая его болѣе непроходимымъ, чѣмъ мельничныя плотины, оставилъ своего «Николая» въ Рыбинскѣ, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ, отыскалъ составившуюся тогда компанію «Изобрѣтатель», чтобы поручить ей доставить судно въ Петербургъ и затѣмъ заняться эксплоатаціей его идеи. Въ этихъ хлопотахъ прошло около двухъ лѣтъ. Компанія въ это время улетучилась, доставивъ, однако, маленькаго «Николая» въ Новую Гавань. «Николай» же въ гавани сгнилъ, и когда, наконецъ, по просьбѣ изобрѣтателя пріѣхали инженеры навигаціонно-описательной коммиссіи въ Новый Портъ, то суденышка они тамъ не отыскали. Отыскалъ, однако, его самъ изобрѣтатель, пріѣхавъ изъ города Луха, но, понявъ тщету дѣлать на этомъ инвалидѣ серьезные опыты, хотѣлъ вывести его на рейдъ и тамъ торжественно предать свое дѣтище публичному ауто-да-фе—въ назиданіе и поученіе россійскому изобрѣтательному генію. Однако, такъ какъ подобные ауто-да-фе у насъ не установлены, то рѣчная полиція возстала, постановила свое veto и разобрала дѣтище русскаго Базена просто-на-просто себѣ на дрова.

«Въ 1890 году, когда явилось предложеніе Базена для полученія привиллегіи въ Россіи, Бенардосъ издалъ брошюру, въ которой написалъ о своемъ старомъ изобрѣтеніи, приложилъ рисунокъ парохода «Николай» и еще разъ указалъ на всѣ тѣ громадныя выгоды, какія обѣщаетъ его изобрѣтеніе нашему рѣчному судоходству. Никто не отозвался на этотъ призывъ, и попрежнему стонутъ Волга, Донъ и Днѣпръ на перекатахъ, меляхъ и порогахъ, по-старому выбрасываются здѣсь безпутные милліоны, и по-старому же ни у кого не находится десятка тысячъ, чтобы попробовать и доказать полезность того, что теперь уже попробуютъ у насъ иностранцы на свою славу и въ свою пользу!»

А вотъ и другой примѣръ, тоже съ костромичемъ.

Въ глуши костромскихъ лѣсовъ, въ бѣдномъ селѣ Варнавинскаго уѣзда, скромно, въ безвѣстности, проживаетъ о. І. Гласовъ. Человѣкъ, учившійся на мѣдныя деньги, выросшій въ нуждѣ да и теперь постоянно борющійся съ нею,—онъ несетъ горькую долю сельскаго священника, поучая и просвѣщая своихъ прихожанъ не только словомъ, но и примѣромъ своей трудовой жизни. Завѣтною мечтою о. Гласова было получить высшее свѣтское образованіе, но тяжелыя матеріальныя обстоятельства заставили его надѣть рясу сельскаго священника. Однако, энергичный о. Гласовъ не палъ духомъ. Съ честью неся священный санъ, онъ въ то же время старался собственными, такъ сказать, домашними средствами пополнить скудное образованіе, полученное имъ въ духовной семинаріи. Чувствуя особенное расположеніе къ математикѣ, чистой и прикладной, а также къ физикѣ, о. Гласовъ постарался пріобрѣсти какъ можно больше познаній въ этихъ наукахъ. Математическія познанія скоро нашли у него практическое примѣненіе.

Приходъ, гдѣ священствовалъ сначала о. Гласовъ, былъ разбросанъ на пространствѣ 20 кв. верстъ, притомъ изрѣзанномъ мелкими рѣчками и протоками. Желая избавиться отъ непріятности пѣшаго хожденія, особенно, въ весеннюю распутицу, о. Гласовъ задумалъ устроить дешевый велосипедъ, на которомъ можно-бы было смѣло разъѣзжать по приходу, по всѣмъ сельскимъ дорогамъ. Свою цѣль онъ осуществилъ было, построивъ деревянный велосипедъ обыкновеннаго типа, но разныя неудобства заставили его отказаться отъ него и перейти къ другому типу велосипедовъ, придуманному имъ въ 1887 г. Но такъ какъ нельзя приготовить хорошаго велосипеда изъ одного дерева, то онъ занялся изученіемъ кузнечнаго и слесарнаго ремесла. Изучая послѣднія, о. Гласовъ устроилъ своеобразные станки (въ родѣ кузнечныхъ и слесарныхъ). Напрактиковавшись въ указанныхъ ремеслахъ, нашъ изобрѣтатель устроилъ, наконецъ, велосипедъ своего изобрѣтенія, о которомъ въ свое время были помѣщены замѣтки во многихъ журналахъ и газетахъ. Вслѣдъ за изобрѣтеніемъ этого велосипеда, о. Гласовъ занялся другими проектами, которые отчасти уже осуществились.

Въ настоящее время намъ извѣстны слѣдующія изобрѣтенія о. Гласова.

1) Трехколесный велосипедъ съ особымъ механизмомъ, при посредствѣ котораго велосипедъ поднимается на любую гору. Механизмъ велосипеда «не нуждается, — какъ выражается самъ изобрѣтатель, — въ помощи силы инерціи (но и не исключаетъ ее) и совсѣмъ уничтожаетъ такъ-называемыя мертвыя точки».

2) Смѣшанный велосипедъ, съ такимъ же механизмомъ, какъ у предъидущаго типа. Велосипедъ этотъ, «отличающійся чрезвычайною поворотливостью», пригоденъ для ѣзды по городскимъ дорогамъ.

3) Лодка-велосипедъ, въ проектѣ, близкомъ къ осуществленію.

4) Машина для крученія нитокъ. Главное отличіе ея отъ подобныхъ снарядовъ, напр., самопрялокъ, то, что при ней есть приборъ, автоматически регулирующій крутизну нитки.

5) Электрическій велосипедъ, въ проектѣ, уже разработанномъ.

6) Особаго рода кузница (безъ мѣховъ), которую можетъ устроить любой плотникъ.

7) Особаго рода деревянная машина для сверленія дыръ въ желѣзѣ и стали.

8) Токарный станокъ, съ винтомъ, «позволяющимъ натягивать ремень до желаемой степени, смотря по силѣ работы».

Кромѣ того даровитый изобрѣтатель — большой любитель музыки, придумавшій оригинальный способъ обученія пѣнію. Способъ этотъ—звучные камертоны (которые о. Гласовъ куетъ самъ), въ количествѣ 13-ти, по числу тоновъ хроматической гаммы. Изобрѣтеніе о. Гласова оказалось настолько пригоднымъ, что мальчики сельскаго хора, которымъ онъ дирижируетъ, познакомившись предварительно съ нотною системою, разучиваютъ

по камертонамъ даже незнакомыя пьесы. Благодаря тѣмъ же камертонамъ и особому приспособленію къ скрипкѣ, о. Гласовъ въ одну недѣлю усвоилъ механику скрипичной игры по всѣмъ гаммамъ.

Вообще, судя по всему, о. Гласовъ, несомнѣнно, высокоталантливый человѣкъ. Получи онъ спеціальное образованіе, — изъ него вышла-бы, навѣрное, какая-нибудь знаменитость, слава которой пронеслась-бы по всему міру. А теперь онъ почти никому неизвѣстенъ... Онъ даже не имѣетъ возможности эксплоатировать свои изобрѣтенія, такъ какъ не въ силахъ заплатить высокой пошлины за привиллегію. Между тѣмъ у насъ, въ Россіи, имѣется спеціальное Техническое Общество для развитія родной техники. Отчего-бы ему не придти на помощь бѣдному изобрѣтателю? Отчего не ободрить его хоть словомъ?

Когда же, наконецъ, русское общество перестанетъ не довѣрять своему? Когда мы перестанемъ восторгаться иностраннымъ? Настанетъ-ли та славная пора, когда русскій будетъ съ гордостью заявлять, что онъ—русскій?!

ИЗЪ АНГЛІИ ВЪ СИБИРЬ ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ.

(Исторія экспедиціи кап. Виггинса).

Въ началѣ октября 1893 года экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта Л. Ф. Добротворскаго благополучно доставила въ Енисейскъ, чрезъ Ледовитый океанъ, грузъ рельсовъ для Сибирской желѣзной дороги. Такимъ образомъ она практически разрѣшила вопросъ объ открытомъ въ 1875 году знаменитымъ путешественникомъ, барономъ Норденшильдомъ, морскомъ пути изъ Европы въ Сибирь.

Проводникомъ по Ледовитому океану въ этой экспедиціи былъ извѣстный англійскій морякъ капитанъ Виггинсъ. Успѣшно выполнивъ взятыя на себя обязательства, этотъ храбрый морякъ, по возвращеніи въ Англію, опять поѣхалъ въ Сибирь, въ концѣ іюля 1894 года, на этотъ разъ для перевозки двухъ пароходовъ для той же Сибирской дороги. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхали въ Сибирь англичанинъ Верни и золотопромышленникъ, ветеринарный врачъ С. В. Востротинъ, съ женой. Маленькая экспедиція благополучно покинула Ньюкэстль и уже 9 августа были въ Вардо, послѣднемъ сѣверно-европейскомъ городѣ. Здѣсь къ нимъ присоединился пароходъ «Стіерненъ», куда и перебрались путешественники. 13 августа экспедиція тронулась въ далекій и опасный путь. Погода была неважная: дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, суда окутала какая-то мгла. Наконецъ, показался и ледъ, сильно затруднявшій движеніе пароходовъ. Однако, несмотря на эти препятствія, экспедиціи удалось благополучно пройти Карское море. 27 августа суда вошли въ Енисейскую губу, откуда направились въ Луговую протоку, гдѣ была назначена сдача туэровъ, построенныхъ въ Англіи для Ангары и надобностей Сибирской желѣзной дороги. Для пріема былъ командированъ капитанъ парохода «Лейтенантъ Малыгинъ» — Егоровъ. Между нимъ и капитаномъ Виггинсомъ произошли какія-то непріятности,—и огорченный старикъ Виггинсъ, сдавъ туэра, поспѣшилъ уѣхать обратно. Между тѣмъ г-нъ Востротинъ, не надѣясь скоро добраться до Енисейска (ему нужно было подниматься по Енисею 2,000 верстъ), просилъ его, по возвращеніи въ Вардо, дать телеграмму въ Енисейскъ объ окончаніи опаснаго пути. Однако, пріѣхавъ въ Енисейскъ, г. Востротинъ узналъ, что такой телеграммы не было. Тогда, подозрѣвая несчастіе, онъ телеграфировалъ въ Англію и, получивъ отвѣтъ, что Виггинсъ еще не возвращался, немедленно сталъ хлопотать о составленіи экспедиціи для розысканія стараго моряка.

Благодаря хлопотамъ г. Востротина, министерство внутреннихъ дѣлъ послало на туэрѣ «Второй» экспедицію, подъ командой лейтенанта Залѣвскаго, для розысковъ Виггинса, причемъ всѣ припасы, одежда и обувь были даны Востротинымъ. Туэръ въ концѣ октября пришелъ сверху по Енисею къ устьямъ этой рѣки и сталъ здѣсь на зимовку, а команда его отправилась на самоѣдскихъ нартахъ разыскивать Виггинса.

Тѣмъ временемъ путешественники своими средствами, при помощи самоѣдовъ, вышли изъ затрудненія и благополучно достигли Пустозерска.

Помѣщаемъ выдержки изъ письма Виггинса, посланнаго изъ Архангельска 7 декабря прошлаго года одному изъ своихъ друзей.

«Можете себѣ представить, что я пережилъ: съ полсотни человѣкъ были внезапно высажены почти безъ одежды на голую тундру самоѣдовъ, причемъ единственная дорога домой вела по рѣкѣ Печорѣ, въ открытыхъ саняхъ. Впрочемъ русскіе и туземцы, при встрѣчѣ съ нами, всѣ меня отлично узнали, такъ какъ я ихъ часто видалъ во время моихъ путешествій, и поэтому мы могли пользоваться кредитомъ для покупки шубъ и для проѣзда въ Пустозерскъ по рѣкѣ Печорѣ и т. д. Съ десятокъ семействъ самоѣдовъ провожали насъ 800 верстъ черезъ тундру, что заняло 32 дня отъ Чаброва, а всего 40 дней отъ мѣста крушенія. Вмѣстѣ съ нами шло по крайней мѣрѣ 2,000 головъ оленей, такъ что мы должны были раздѣлиться на дюжину партій, съ большими промежутками между партіями, для того, чтобы дать возможность оленямъ добыть себѣ пищу — маленькими стадами по 200—300 штукъ каждое, такъ какъ очень трудно найти пастбища для большаго количества на одномъ мѣстѣ. Каждое туземное семейство имѣло одинъ или два лишнихъ чума (палатки), такъ что всѣ наши люди были хорошо защищены каждую ночь; ихъ охраняли; за ними смотрѣли и ухаживали какъ за младенцами; словомъ, конца не было заботамъ и попеченіямъ этихъ бѣдныхъ «дѣтей тундры» обо всѣхъ насъ. Русскіе также сдѣлали все возможное, но больше всѣхъ отличился, употребивъ почти сверхъ-человѣческія усилія ради насъ, нѣкто И. А. Кошеновъ, который былъ первый русскій человѣкъ, попавшійся намъ съ туземцами недалеко отъ мѣста крушенія. Его вліяніе и безконечныя усилія съ самоѣдами дѣйствительно спасли нашу жизнь.

«При пріѣздѣ нашемъ въ Остельму исправникъ все для насъ устроилъ, снабдилъ насъ подорожными для переѣзда сюда, помѣстилъ насъ на квартирахъ и вообще сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь намъ. Онъ былъ такъ добръ, что послалъ съ нами городоваго, который долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ крестьяне по дорогѣ дѣлали все возможное для насъ.

«Я съ удовольствіемъ могу сообщить, что всѣ наши люди хорошо перенесли все это путешествіе, за исключеніемъ пяти стариковъ, которые отморозили себѣ ноги; они поправляются теперь въ здѣшней больницѣ».

Изъ Архангельска команда Виггинса отправилась небольшими партіями въ Петербургъ, гдѣ 14 текущаго января почтенный морякъ дѣлалъ докладъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ.

СО ВСѢХЪ КОНЦОВЪ СВѢТА.

Чай въ Закавказьи.—Восемь лѣтъ тому назадъ нѣкто г. Соловцевъ (въ Батумскомъ округѣ) получилъ изъ Ханькоу нѣсколько кустовъ чайнаго дерева (Thea bohea) и посадилъ ихъ у себя въ саду. Эти кусты отлично принялись на новой почвѣ и дали хорошій урожай сѣмянъ. Изъ послѣднихъ г. Соловцевъ развелъ цѣлую плантацію изъ нѣсколькихъ тысячъ кустовъ чая, и лѣтомъ прошлаго года получилъ первый сборъ листьевъ. Первый опытъ былъ, какъ водится, не очень удаченъ. Благодаря недостатку хорошихъ мастеровъ, чай вышелъ похожимъ на траву. Но все-таки присутствовавшіе при этомъ эксперты нашли, что самый листъ былъ превосходенъ,—и теперь дѣло только въ умѣньи обработать его надлежащимъ образомъ. Вмѣстѣ съ этимъ опытомъ Соловцева былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о возможности чайной культуры въ Закавказьи. Теперь есть надежда, что въ недалекомъ будущемъ и мы, русскіе, освободимся отъ монополіи китайцевъ и будемъ потреблять собственный чай, подобно англичанамъ, которые, разведя чайныя плантаціи у себя, въ Индіи, въ короткое время (за послѣднія 10 лѣтъ) успѣли отнять у китайцевъ четверть всемірнаго чайнаго рынка. Рядомъ съ г. Соловцевымъ заложила чайныя плантаціи въ томъ же Батумскомъ округѣ извѣстная фирма К. и С. Поповыхъ, а удѣльное вѣдомство пріобрѣло для той же цѣли цѣлый бассейнъ р. Чаквы.

ИЗЪ ОБЛАТИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Работа пчелъ.—Всякій знакомъ съ организаціей пчелинаго улья, но немногіе имѣютъ ясное представленіе о замѣчательной дѣятельности его обитателей. Кто знаетъ, напр., въ какое время одна пчела можетъ насбирать граммъ меда? По изслѣдованіямъ французскихъ натуралистовъ можно сдѣлать слѣдующій разсчетъ по этому поводу. Если въ тихую, ясную погоду рабочая пчела сдѣлаетъ шесть или десять полетовъ изъ улья, то она успѣваетъ посѣтить отъ 40 до 80 цвѣтовъ и собрать съ нихъ $^{1}/_{16}$ грамма нектара. Высосавъ сокъ изъ 200 до 400 чашечекъ цвѣтовъ, она можетъ добыть $^{1}/_{3}$ грамма, такъ что, при благопріятныхъ условіяхъ, ей нужно двѣ слишкомъ недѣли для того, чтобы имѣть I граммъ; поэтому I килограммъ (2,5 русск. фунта) меда она насберетъ только въ нѣсколько лѣтъ, и это количество займетъ около 3,000 ячеекъ улья. Въ большомъ ульѣ живутъ отъ 20,000 до 50,000 пчелъ, изъ которыхъ половина занята приготовленіемъ меда, остальныя заботятся о жилищѣ и о подростающемъ поколѣніи. Въ хорошій лѣтній день 16,000 или 20,000 пчелъ, совершая въ день отъ 6 до 10 полетовъ, могутъ посѣтить 300,000 до милліона цвѣтовъ, или все равно нѣсколько сотъ тысячъ различныхъ растеній. Такимъ образомъ, если цвѣтущія растенія находятся недалеко отъ улья, то 30,000 пчелъ могутъ собрать въ день около 1 килограмма (2,5 ф.) меда. R. S. *) № 1. 1895. (С.)

ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ и РЕЦЕПТЫ.

Средство противъ крысъ.—Отыскавъ отверстія, служащія для выхода крысъ, наливаютъ въ нихъ сѣрнистаго углерода и затыкаютъ ихъ чѣмъ нибудь. Сѣрнистыя пары, будучи тяжелѣе воздуха, опустятся книзу и задушатъ всѣхъ крысъ. Надо замѣтить, что сѣрнистый углеродъ очень легко воспламеняется, почему при обращеніи съ нимъ надо быть очень осторожнымъ. Запахъ хлористой извести тоже невыносимъ для крысъ, и онѣ сейчасъ же покидаютъ свои норы, если налить туда раствора хлористой извести. (В.)

*) R. S. Révue Scientifique.

За строку петита въ формахъ трехъ столбцовъ журнала 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За разсылку объявленій при журналѣ за лотъ 5 руб. за тысячу.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВОЕ ИЗДАНІЕ **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

Сочиненія ВИКТОРА ГЮГО.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей *А. М. Скабичевскаго.*

Сокращенный переводъ *С. А. Брагинской.* Два большихъ тома. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Содержаніе 1-го тома: **Бюгъ Жаргаль. Послѣдній день приговореннаго къ смерти. Соборъ Парижской Богоматери. Клодъ Ге. Исторія одного преступленія. Человѣкъ который смѣется.**

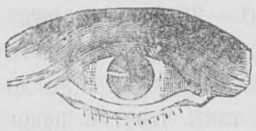
Содержаніе 2-го тома: **Труженики моря. Несчастные. Девяносто третій годъ.**

Складъ изданія въ кн. маг. *Луковникова* (СПБ., Лештуковъ переулокъ, д. № 2).

Фирма сущ. съ 1848 г.

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА

Экономія съ изяществомъ!



Очки и пэнсне въ оправахъ изъ настоящаго накладнаго золота «Doublé d'or». Оправы эти, сильно отличаясь въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, имѣютъ видъ настоящей массивной золотой работы. Цѣна съ перископическими «Périscopique» стеклами высшаго качества, шлифованными, согласно научнымъ вычисленіямъ, съ провѣреннымъ правильнымъ фокусомъ, съ пересылкой 4 руб. Оправа изъ французскаго золота 3 руб., изъ чистаго никелина 2 руб. 50 коп. *Примѣчаніе*: при заказахъ обозначать, какія требуются стекла, т. е. для близорукаго или дальнозоркаго, на какомъ разстояніи ясно различаетъ предметы, употреблялись-ли имъ уже ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ? Адресъ: Я. Вурцельдерфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, ул. Королевская, № 49—16. Прейсъ-курантъ безплатно — высыл. наложеннымъ платежомъ. NB. Ручаюсь только за тѣ стекла и оправы, которыя выходятъ изъ моего магазина.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА

въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой.

1) **Приключеніе Нигеля** (съ 16 рис.); 2) **Редгантлетъ** (съ 16 рис.); 3) **Робертъ Графъ Парижскій** (съ 12 рис.); 4) **Сенъ-Ронанскія воды** (съ 12 рис.); 5) **Опасный замокъ и Два пастуха** (съ 11 рис.).

Цѣна каждаго романа **40** коп., въ папкѣ **50** коп. Всѣ пять романовъ въ роскошномъ переплетѣ 2 руб. 80 коп.

Прежде вышедшіе романы ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА:

1) **Веверлей** (18 рис.); 2) **Антикварій** (18 рис.); 3) **Робъ-Рой** (20 рис.); 4) **Айвенго** (20 рис.); 5) **Астрологъ** (20 рис.); 6) **Квентинъ Дорвардъ** (25 рис.); 7) **Вудстокъ** (20 рис.); 8) **Замокъ Кенильвортъ** (20 рис.); 9) **Ламермурская невѣста** (19 рис.); 10) **Легенда о Монтрозѣ** (14 рис.); 11) **Певериль Пикъ** (23 рис.); 12) **Монастырь** (15 рис.); 13) **Аббатъ** (18 рис.); 14) **Пресвитеріане** (18 рис.); 15) **Пертская красавица** (15 рис.); 16) **Пиратъ** (14 рис.); 17) **Карлъ Смѣлый** (15 рис.); 18) **Обрученные**; 19) **Ричардъ Львиное сердце**; 20) **Черный карликъ**.

Цѣна каждаго романа—**40** коп., въ папкѣ **50** коп. Въ роскошныхъ переплетахъ можно получить только сборники по 5 романовъ вмѣстѣ. Цѣна каждаго сборника **2** руб. **80** коп. Главный складъ изданія въ книж. магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., д. № 2).

ТОЛЬКО 5 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., высылается съ подробными снимками и руководствомъ. **Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній.** Большая Морская, 33. Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за двѣ пятикопѣечныя марки. Заказы высылаются немедленно. **Можно и наложеннымъ платежомъ.**

Вышло въ свѣтъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

КЪ СВѢТУ.

Разсказы для дѣтей *В. Огаркова.*

Съ 27 рисунк. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Складъ изданія въ книж. маг. Луковникова (Спб., Лештуковъ переулокъ, № 2).

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ДѢТСКІЙ ДОКТОРЪ.

Руководство для матерей и воспитателей Д-ра **Варіо.**

Перев. съ франц. подъ редакціей профессора Харьковск. университета М. Д. Пономарева.

Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 руб.

Вышло въ свѣтъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

СЕМЬ НОВѢЙШИХЪ

ЧУДЕСЪ СВѢТА.

Ч. Кента. Перевелъ съ англ. *Д. Голова.*

Съ 109 рисунками. Цѣна 1 руб.

Складъ изданія въ книжн. маг. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Редакторъ С. Груздевъ. Издатель П. Сойкинъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 января 1895 г. Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, д. № 12.